

Отметим, что в действующем УК нет прямого запрета на сексуальную эксплуатацию, хотя этот термин и встречается в уголовном законе в контексте эксплуатации человека. Согласно примечанию к ст. 181 УК под эксплуатацией понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей) в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством.

Считаем, что такой подход к закреплению признаков сексуальной эксплуатации не дает четкого представления о ее структуре и формах, что вызывает в ряде случаев в правоприменительной практике сложности в толковании и применении отдельных уголовно-правовых норм. Определенную роль в сложившейся ситуации играет и то, что по вопросам применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с торговлей людьми, нет никаких разъяснений со стороны Верховного Суда Республики Беларусь. Действующее постановление Пленума от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК)» касается только применения норм гл. 20 УК. К слову, понятие эксплуатации используется исключительно в отношении преступлений, предусмотренных ст. 181, 181¹, 182, 187 УК. К иным преступлениям сексуального характера оно не применяется.

Сексуальная эксплуатация – это особый вид преступного деяния, при котором оказание сексуальных услуг осуществляется в условиях эксплуатации человека, где обязательными признаками выступают наличие подневольного состояния, не позволяющего потерпевшему отказаться от предоставления подобного рода услуг, и получение виновным дохода от сексуального поведения зависимого от него лица. Специфика сексуальной эксплуатации детей заключается в том, что, используя уязвимость ребенка, виновные лица ставят его в такое положение, при котором он вынужден вступать в половые отношения с целью получения, например, денег, еды, жилья или других предметов, необходимых для своего существования. Свобода несовершеннолетнего ограничена его статусом и психофизиологическими способностями возрастного характера, что позволяет преступникам манипулировать сознанием ребенка, превращая его в источник преступного дохода.

На острие уголовно-правового противодействия современным формам работорговли находятся ст. 171 и 171¹ УК. Напрямую эти статьи не относятся к нормам о противодействии сексуальной эксплуатации ввиду того, что предусмотренные в их диспозициях действия в контексте примечания к ст. 171 УК имеют добровольный характер. Другими словами, если у виновного отсутствует цель принуждения ребенка к оказанию услуг сексуального характера, это исключает его ответственность за торговлю детьми. В данной ситуации речь должна идти об использовании несовершеннолетнего для занятия проституцией в рамках ст. 171 УК при условии получения виновным от такой деятельности материального или иного вознаграждения.

Однако такой подход в правовой оценке преступных деяний применим в отношении не всех несовершеннолетних, тем более что грань между добровольностью и использованием зависимости очень тонка и часто одна форма преступного поведения перетекает в другую. В этой связи согласие на оказание сексуальных услуг не должно приниматься во внимание, если речь идет о проституции малолетних, которые, в отличие от несовершеннолетних, имеют меньшую социальную, интеллектуальную, волевую и психолого-физиологическую зрелость, в силу чего не могут защитить себя, противостоять преступнику, избежав какого-либо контакта с ним. Отсюда вывод, что использование в занятии проституцией лиц, не достигших 14-летнего возраста, следует рассматривать как сексуальную эксплуатацию и квалифицировать содеянное по ч. 3 ст. 181 УК или по п. 1 ч. 2 ст. 181¹ УК.

Еще один состав, который представляет интерес при анализе противодействия сексуальной эксплуатации, предусмотрен ст. 343¹ УК. Сегодня в мире эксплуатация детей в целях оказания сексуальных услуг для производства порнографической продукции приняла угрожающие размеры, а ее распространение выступает катализатором ряда половых преступлений. Данная норма права, считаем, содержит в себе все признаки сексуальной эксплуатации как таковой: использование зависимости ребенка (так как по причине своей незрелости и незащищенности дети не могут добровольно принять решение об участии в порносъемках) и получение прибыли от деятельности, связанной с оборотом детской порнографии.

В то же время отметим, что вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции не регулируется в настоящее время уголовным законом. Еще в 2005 г. ст. 173 УК была установлена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера, однако в 2008 г. такие действия были декриминализованы. Данное решение законодателя не может не вызвать возражений с учетом повышенной степени общественной опасности указанных действий и требований международных конвенций в части защиты детей от сексуальной и иной эксплуатации.

К сожалению, объем публикации не позволяет рассмотреть всю систему уголовно-правовых норм, так или иначе обеспечивающих защиту несовершеннолетних от всякого рода сексуальной агрессии и насилия. Отметим только, что в целом она соответствует основным международным принципам и задачам охраны прав и законных интересов лиц, не достигших 18-летнего возраста.

УДК 343

С.В. Кузьменкова

О ВОЗМОЖНОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ АРЕСТА ЗА НЕОСТОРОЖНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В настоящее время уголовное наказание в виде ареста применяется довольно широко, но речь идет не обо всех преступлениях, а об относящихся к нетяжким, и такой подход считается правильным.

Наказание в виде ареста является специфическим, поэтому оно должно применяться лишь за совершение определенных преступлений, по своей природе связанных с вызовом обществу, если не остановить который соответствующим на-

казанием, криминогенные свойства преступника могут развиваться до опасного состояния. Строгая изоляция во время ареста направлена не на защиту общества от опасного преступника, а на то, чтобы путем устрашения самим фактом изоляции и под ее влиянием добиться положительных изменений в социально-психологической свободе мотивации и выбора действовать в любых ситуациях таким образом, чтобы не вступать в конфликт с уголовным законом.

Данное наказание предназначено для предотвращения неопасных преступных посягательств правонарушителей, которые не представляют большой общественной опасности, имеют антиобщественные взгляды, относятся к категории неосторожных преступников и не приспособлены к пребыванию в изоляции в качестве наказания за преступное поведение.

При применении наказания в виде ареста важно решить вопрос о личности преступника, совершившего преступление по неосторожности, а следовательно, о целесообразности и возможности применения данного наказания за неосторожные преступления.

В литературе справедливо отмечается, что неосторожные преступления являются результатом нарушения правил безопасного поведения, а также общепринятых либо специальных, нормативно определенных правил. Лица, совершившие неосторожные преступления, отличаются от субъектов умышленных преступлений. Неосторожные преступники в меньшей степени характеризуются наличием криминогенных личностных черт. В большей степени им свойственны безразличие к общественным интересам, к охраняемым общественным отношениям и своим обязательствам, связанным с ними, игнорирование правил поведения.

А.В. Яковлев, исследуя социально-психологические детерминанты личности неосторожного преступника, предлагает рассматривать ее через анализ следующих структурных элементов: психофизиологические качества (тип темперамента, способности, особенности мышления); социально-психологические качества (знания, навыки, убеждения, взгляды, социальные ориентации, интересы); социально-демографические качества (пол, возраст, образование, место жительства, семейное и социальное положение, род занятий). При назначении наказания важно исследовать причины социально негативной деформации личности, понять, что привело ее к совершению неосторожного преступления.

А.И. Рарог и В.А. Нерсесян считают, что высокая вероятность тяжких последствий требует применения суровых мер наказания за подавляющее большинство неосторожных преступлений, несмотря на то что личность неосторожного правонарушителя, как правило, не представляет большой общественной опасности и поэтому его исправление может быть достигнуто без применения суровых наказаний. Полагаем, что данная позиция противоречива.

По мнению Б.П. Золотова и В.А. Нерсесяна, влияние угрозы строгого наказания за неосторожные преступления значительно ниже по сравнению с умышленными, поэтому строгие наказания не следует применять за неосторожные преступления.

В.Д. Филимонов утверждает, что если лицо, совершившее преступление, в посткриминальный период стремится соблюдать нормы и традиции, принятые в обществе, и подтверждает это определенным образом до привлечения к уголовной ответственности, то это означает, что его личность имеет низкий уровень общественной опасности и за счет применения не слишком сурового наказания можно достичь цели уголовной ответственности.

С учетом вышеизложенного становится очевидно, что необходимость законодательно расширить перечень санкций за неосторожные преступления путем включения в него ареста оправдана, поскольку данное наказание хотя и не чрезмерно строгое, но окажет «шоковый эффект» и предупредительное воздействие на правонарушителя. Кроме того, неосторожные преступления, за совершение которых арест законодательно не предусмотрен, в целом имеют общие элементы, характерные для категории преступлений, применение ареста за совершение которых может предотвратить их рецидив.

Таким образом, уголовное наказание в виде ареста должно закрепляться в санкциях статей Особенной части УК Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности и являющихся менее тяжкими, которые по характеру деяния и его мотивации могут быть совершены в результате сознательного или бессознательного, но безответственного отношения лица к требованиям безопасного поведения в обществе.

УДК 342.2/7

А.С. Курманов

УНИФИКАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Активизация интеграционных процессов между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в рамках унификации отдельных отраслей законодательства ставит масштабные задачи перед органами власти обоих союзных государств. Принятые 4 ноября 2021 г. Высшим государственным советом Союзного государства решения по 28 программам интеграции направлены в первую очередь на регулирование вопросов товарно-экономического сотрудничества, промышленного производства, миграционной политики в целях приведения к единым принципам таможенного, налогового и иных отраслей законодательства.

Именно такой интеграционный подход позволит максимально использовать экономический потенциал двух стран для эффективного сотрудничества как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Однако он, по оценкам экспертов, потребует принятия более 400 нормативных правовых актов и соглашений.

Проведенное автором как специалистом в области уголовного права криминологическое прогнозирование и сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства двух стран позволяет сделать вывод о том, что в период внедрения новых блоков нормативных правовых актов в финансово-экономических и административно-управленческих обла-